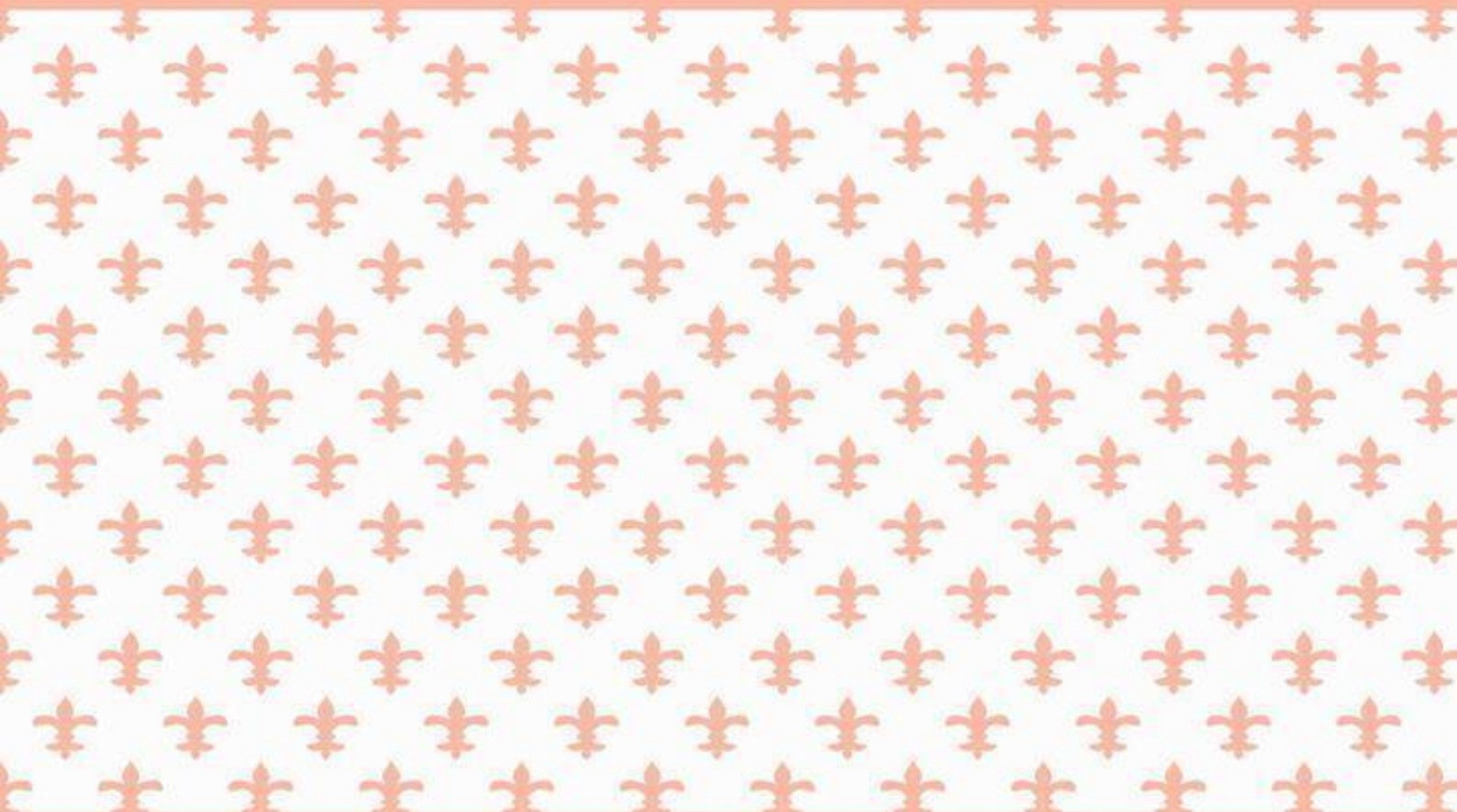

18+

Юрий Драздов

МАНАКОП. АРКА 6

Юрий Драздов
Манакоп. Арка 6

«Издательские решения»

Драздов Ю.

Манакоп. Арка 6 / Ю. Драздов — «Издательские решения»,

Бывший инквизитор Кай, отравленный «Скверной» и объявленный особо опасным преступником, скрывается в руинах Старого Города. Система выдвигает ультиматум: жизнь тринадцати детей из приюта в обмен на его капитуляцию и Золотой Свиток. На грани отчаяния Кай получает «Взломанный Свиток» — вирус, способный выжечь его магию или открыть третий путь. Вместе с семьёй изгоев он вступает в переговоры с Архитектором, чтобы стать не жертвой, а конкурирующим администратором и спасти тех, кто дорог.

© Драздов Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 32: Погоня	6
Глава 33: Подземный ход	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Манакон. Арка 6

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-1827-2 (т. 6)

ISBN 978-5-0070-0543-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 32: Погоня

Кай выбрался на поверхность, когда серый рассвет окончательно растворился в мутном мареве пасмурного полудня. Переход из абсолютной темноты шестого яруса оказался мучительным испытанием. Глаза, привыкшие за последние часы различать лишь оттенки тьмы, теперь горели огнём даже от тусклого света, сочившегося сквозь плотную завесу туч. Он замер на мгновение у вентиляционной решётки, ведущей на крышу старого административного здания, и прислушался.

Поверхность встретила его гулом. Не тем гулом — не вездесущим, всепроникающим ритмом протоколов, к которому он привык за тридцать лет службы, — а другим. Хаотичным, сбивчивым. Где-то вдалеке, на границе слышимости, завывала сирена патрульного аэробуса. Ближе, на соседней улице, что-то грохотало — возможно, обрушилась очередная ржавая конструкция, не выдержавшая собственного веса. И поверх всего этого — тишина. Не абсолютная, как в катакомбах пятого яруса, а насторожённая. Тишина хищника, затаившегося перед броском.

Кай отодвинул решётку и выбрался наружу. Крыша была завалена мусором: битый кирпич, осколки голографических панелей, птичий помёт, скелет какого-то мелкого животного. Он выпрямился во весь рост, разминая затёкшие мышцы. Каждое движение отдавалось тупой болью в правом боку — там, где в архивной драке его приложил бронированный кулак «Палача». К этому добавилась новая боль: последствия применения «Плети» на шестом ярусе. Он чувствовал, как энергетические каналы внутри него пульсируют неровным, сбивчивым ритмом. «Скверна» никуда не делась. Она затаилась, как и его преследователи, выжидая момента для нового броска.

Он подошёл к краю крыши и огляделся. Панорама Пепельной Воронки, открывшаяся с высоты пятого этажа, была знакомой до последнего ржавого шпиля. Он знал здесь каждую улицу, каждый проулок, каждый мостик, соединяющий крыши. Тридцать лет патрулей в этом секторе превратили его внутреннюю карту местности в нечто гораздо более детальное, чем любой тактический интерфейс. Он знал перепады высот, знал несущую способность конструкций, знал, где проходят силовые кабели, а где — газовые магистрали. Знал слепые зоны камер, знал мёртвые точки для сенсоров. Знал каждый дюйм этого лабиринта.

Именно это знание сейчас было его единственным оружием. Планшет, выпотрошенный и бесполезный, валялся где-то в темноте насосной станции. Магия — нестабильная, отравленная «Скверной», — была скорее обузой, чем подспорьем. Любое заклинание могло не просто не сработать, а сработать против него, привлекая внимание Системы и ухудшая его состояние. Он был загнанным зверем, да. Но зверь этот знал лес, в котором вырос, как свои пять пальцев.

Он опустился на одно колено, переводя дыхание и анализируя ситуацию. Отряд зачистки. «Белые Плащи». Четыре единицы: двое автоматов, двое живых оперативников. Он знал эту конфигурацию. Автоматы — «Вестингауз М-7», если он правильно помнил модель по звуку сервоприводов в коридоре, — были оснащены полным спектром сенсоров: тепловизоры, сканеры движения, детекторы магии ближнего радиуса. Живые оперативники — стандартные жезлы подавления «Паладин-4», способные развернуть антимагическое поле радиусом десять метров за полсекунды. Броня — композитная, устойчивая как к физическому, так и к

магическому урону. Шлемы с тактическими дисплеями, подключёнными к центральной сети Системы.

Но у всего этого была слабость. Стандартная тактика «Белых Плащей» основывалась на предположении, что противник либо будет подавлен силой, либо попытается скрыться, используя магию. Протоколы патрулирования, маршруты сканирования, секторы обзора сенсоров — всё это было оптимизировано для поимки мага. Мага, который полагается на заклинания, который использует иллюзии, телепортацию или усиление скорости. Мага, который виден Системе как на ладони.

А он, Кай, больше не был магом. Точнее, он не мог себе позволить им быть. Он был просто человеком. Очень опытным, очень мотивированным человеком, который знал протоколы своих преследователей лучше, чем они сами.

Он услышал их раньше, чем увидел. Не шаги — шаги в тяжёлой броне были бы слышны за сотню метров. Звук. Едва различимый, низкочастотный гул сервоприводов, который резонировал с металлическими конструкциями крыши. Он шёл не сверху, не снизу — он распространялся по самим балкам, по ржавым перекрытиям, по арматуре, вплетённой в бетон. Кай знал этот звук. Так гудели автоматы в режиме ожидания, когда их сенсоры сканировали пространство в пассивном режиме.

Он лёг на живот и подполз к краю крыши. Осторожно, очень осторожно, выглянул вниз.

Двое. Двое автоматов стояли в проулке между зданиями, задрав головы кверху. Их матово-белая броня тускло блестела в сером свете. Герметичные шлемы медленно вращались, сканируя фасады зданий. Сенсорные панели, скрытые за лицевыми пластинами, анализировали тепловые сигнатуры, движение воздуха, отражённые эхо-сигналы. Они не просто смотрели — они слушали, нюхали, ощупывали пространство всеми доступными им способами.

Кай отпрянул назад. Он знал эту модель. «Вестингауз М-7» имел двенадцатисекундный цикл обновления сенсоров. Каждые двенадцать секунд головной процессор автомата обрабатывал собранные данные и обновлял тактическую карту. В течение этих двенадцати секунд автомат был слеп к тому, что находилось за пределами прямого сектора обзора его активных сенсоров. А сектор этот был достаточно узким — около сорока пяти градусов по горизонтали.

Кроме того, маршруты патрулирования дронов-разведчиков, которые наверняка уже кружили над кварталом, пересекались каждые восемьдесят метров. Это было сделано для того, чтобы минимизировать слепые зоны, но Кай знал: в местах пересечения маршрутов возникала короткая, двухсекундная задержка, когда дроны обменивались данными, отвлекаясь от прямого сканирования.

Он мысленно наложил эти данные на карту квартала. Двенадцать секунд. Сорок пять градусов. Восемьдесят метров. Две секунды задержки. Из этих цифр, как из кусочков мозаики, начал складываться маршрут. Не простой, не прямой — но выполнимый.

Кай отполз от края и, пригибаясь, перебежал к противоположной стороне крыши. Здесь, между этим зданием и соседним, был перекинут старый мостик — ржавая металлическая конструкция, которая когда-то служила для обслуживания вентиляционных шахт. Он помнил этот

мостик. Однажды, много лет назад, он преследовал здесь нарушителя, и мостик едва не рухнул под их весом. С тех пор прошло лет десять, и конструкция вряд ли стала прочнее.

Но у него не было выбора.

Он добежал до мостика и ступил на него. Металл заскрипел, застонал под его весом. Кай замер, прислушиваясь. Скрип стих. Он сделал ещё шаг, потом ещё, двигаясь медленно, плавно, стараясь не создавать резких колебаний. Под ногами, сквозь ржавые прутья, виднелась пустота — пять этажей до земли. Где-то внизу, в проулке, всё так же гудели автоматы.

Он перебрался на соседнюю крышу и тут же нырнул за старое вентиляционное оборудование, укрываясь от возможного наблюдения. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание сбивалось, но он заставил себя успокоиться. Паника — это смерть. Паника заставляет совершать ошибки. А одна ошибка — и он труп.

Кай выглянул из-за своего укрытия. С этой позиции ему был виден второй автомат, тот, что стоял дальше по улице. Его голова вращалась в стандартном паттерне: сорок пять градусов влево, пауза, сорок пять градусов вправо, пауза. Ритм был размеренным, механическим. Кай начал отсчитывать про себя.

Один, два, три... На счету «десять» автоматон завершил цикл и замер, обрабатывая данные. Кай рванулся вперёд. Он перепрыгнул через невысокий парапет, отделявший эту крышу от следующей, приземлился на мягкие, полусгнившие доски какого-то старого настила и тут же снова ушёл в укрытие — на этот раз за массивную кирпичную трубу, которая возвышалась над крышей, как покосившийся обелиск.

Он обернулся. Автоматон, который только что закончил цикл, возобновил сканирование. Его голова повернулась влево, потом вправо. Никакой реакции. Кай исчез из его поля зрения как раз в тот короткий промежуток, когда сенсоры были отключены на обработку данных.

Двенадцать секунд. Он использовал их все.

Кай выдохнул и, уже не останавливаясь, двинулся дальше. Его маршрут превратился в сложный танец, в котором каждое движение было просчитано до долей секунды. Он перебежал от одного укрытия к другому, замирал, считал, снова бежал. Он использовал балки, трубы, остатки голографической рекламы — всё, что могло скрыть его от сенсоров. Он двигался бесшумно, как призрак. Тридцать лет практики — и ни одного лишнего движения.

На полпути через квартал он едва не попал в зону пересечения маршрутов дронов-разведчиков. Он услышал их жужжание — высоко над головой, на границе слышимости. Два дрона, судя по звуку, сходились к точке пересечения маршрутов. У него была секунда. Может быть, две. Он нырнул в узкую щель между двумя вентиляционными коробами, сжался в комок и замер.

Дроны пролетели над ним, обменялись пакетами данных и разошлись в разные стороны. Их сенсоры, занятые обработкой информации, не зафиксировали неподвижную тепловую сигнатуру среди нагретых солнцем коробов. Кай выждал ещё секунду, потом выбрался из укрытия и продолжил путь.

Он прошёл уже полквартиры, когда в нагрудном кармане что-то завибрировало. Он замер. Вибрация исходила не от планшета — планшета у него больше не было. Это была старая аварийная сигнальная пластина, которую он когда-то сунул в карман по привычке и забыл о ней. Пластина вибрировала, реагируя на импульсный сигнал, который посылали «Белые Плащи» при активации протокола массового поиска. Это значило, что его побег обнаружен и сейчас на него начнут охоту по полной программе.

Он выбросил пластину в щель между зданиями и рванулся вперёд, уже не скрываясь. Время скрытности кончилось. Теперь всё решала скорость.

И они появились.

Сначала — звук. Не привычный гул сервоприводов, а новый, более высокий, более агрессивный. Вой форсированных двигателей. А затем — вспышка, удар, и парашют перед Каем взорвался облаком бетонной крошки и ржавой арматуры.

Он бросился на землю, перекатился за укрытие. Его правая рука машинально дёрнулась к поясу — туда, где раньше висел планшет. Бесполезный жест. Планшета не было. Он выругался сквозь зубы, подавляя вспышку паники.

Стреляли с соседней крыши. Значит, они его нагнали. «Белые Плащи» умели двигаться быстро, когда требовалось. И теперь они были здесь — все четверо, судя по тому, как перекликались выстрелы: автоматы били с двух точек, подавляющие залпы, а между ними, в паузах, Кай слышал команды, которые отдавал живой оперативник.

— Альфа, сектор три, подавление! Бета, обход справа! Не дайте ему уйти!

Голос Грегора — Кай узнал его по той самой командной интонации, которую слышал в коридоре пятого яруса. Значит, отряд всё-таки спустился за ним. Или, точнее, поднялся. Неважно. Важно было то, что они здесь и настроены серьёзно.

Кай оценил позицию. Укрытие, за которым он лежал, — бетонный короб старого лифтового подъёмника, — было достаточно прочным, чтобы выдержать несколько прямых попаданий из подавителей. Но этого было недостаточно. Автоматон, заходивший справа, уже вышел на дистанцию эффективного огня. Ещё минута — и он окажется у Кая на фланге, а тогда укрытие превратится в ловушку.

Он рванулся влево. Залп подавителя ударил в короб, разнеся его верхнюю часть. Кая осыпало бетонной крошкой, но он уже бежал — низко, пригибаясь, петляя между препятствиями. Его ноги скользили по ржавому металлу, правая рука саднила от нового пореза, но он не замедлялся.

Впереди был тот самый мостик, по которому он перебирался в начале побега. Только теперь он был не пуст. На дальнем конце мостика стоял автоматон. Его бронированная фигура замерла в боевой стойке, оружие наведено на Кая. Путь вперёд был отрезан.

Сзади, за спиной, слышались шаги второго автоматона и живых оперативников. Они брали его в клещи. Классическая тактика — зажать противника между двумя огневыми точками и подавить перекрёстным огнём. Против обычного мага это сработало бы безотказно. Маг

попытался бы использовать заклинание, чтобы уничтожить одну из угроз, — и в этот момент его накрыл бы второй.

Но Кай не был обычным магом.

Он резко затормозил и развернулся. Мостик перед ним, автоматон за спиной, второй автоматон и оперативники — позади. Он оказался точно в центре, в самой опасной точке. Именно здесь его и ждали.

— Инквизитор Кай! — голос Грегора, усиленный динамиками шлема, разнёсся над крышей. — Вы окружены! Сопротивление бесполезно! Бросьте оружие, поднимите руки! Приказ на арест ещё действителен!

Кай не ответил. Он продолжал двигаться. Не назад, не вперёд — в сторону. К краю крыши.

Грегор заметил его манёвр и отреагировал мгновенно.

— Огонь! — скомандовал он.

Автоматоны выстрелили одновременно. Два залпа подавляющей энергии ударили в край крыши, туда, где только что стоял Кай. Но его там уже не было. В последнюю секунду перед выстрелом он прыгнул — не вперёд, не назад, а вниз, в узкую щель между зданиями. Его тело проскользнуло в пространство шириной едва ли в метр, и он рухнул на ржавый настил технического балкона, расположенного этажом ниже.

Удар вышиб воздух из лёгких. Перед глазами заплескали золотые пятна. В правом боку что-то хрустнуло — возможно, треснувшее ребро, а может быть, старая рана просто напомнила о себе с новой силой. Он лежал на спине, глядя в серое небо, и пытался отдышаться. Наверху, на крыше, гремели команды. «Плащи» перестраивались, пытаясь понять, куда делась цель.

У него была минута. Может быть, меньше.

Кай сел, превозмогая боль. Тело ныло, в ушах звенело, но сознание оставалось ясным. Он знал это место. Технический балкон, соединяющий два здания, не был обозначен на официальных картах — только на старых инженерных схемах, которые он когда-то изучал во время расследования дела о контрабанде. Отсюда можно было попасть в вентиляционную шахту, ведущую к трансформаторной будке на соседней крыше.

Трансформаторная будка. Старая, списанная, но всё ещё подключённая к резервной линии энергоснабжения. Внутри неё находился накопитель маны — один из тех, которые устанавливали ещё до эпохи Системы для питания аварийных систем. Кай помнил этот накопитель. Он был старым, нестабильным и очень, очень мощным. Именно такой, какой ему нужен.

Он поднялся на ноги и, шатаясь, пошёл к вентиляционной шахте. Каждый шаг отдавался болью, но он шёл — потому что другого выхода не было.

Трансформаторная будка встретила его запахом пыли, разогретого металла и озона. Старое оборудование, покрытое слоем грязи и паутиной, занимало почти всё пространство. В цен-

тре, на массивной каменной плите, возвышался накопитель. Это был огромный цилиндр, оплётённый медными катушками и обсидиановыми осколками — древняя, довоенная технология, которая работала не на протоколах Системы, а на чистой, нефильтованной мане. Когда-то такие накопители стояли по всему городу, питая резервные системы на случай отключения основного энергоснабжения. Теперь они были забыты, заброшены, но не выключены. Они продолжали работать, впитывая ману из окружающей среды, накапливая её год за годом.

Кай подошёл к накопителю. Его шкала, выполненная в виде рунного круга, пульсировала бледно-голубым светом. Заряд был почти полным. Если его высвободить, энергия ударит с такой силой, что сенсоры «Плащей» зашкалит на несколько минут. Это даст ему шанс уйти.

Но чтобы высвободить энергию, ему нужно было использовать магию. Ту самую магию, которая была отравлена «Скверной». Ту самую, которую он поклялся себе не использовать, пока не найдёт способ исцелиться.

Кай стоял перед накопителем, и перед его глазами проносились лица. Тётушка Мара, превращённая в Коллектора и простившая его перед исчезновением. Ларс, погибший от собственного дара. Сержант, которому он обещал, что всё будет в порядке. Архонт, сказавший ему, что «Скверна» — это не приговор, а временное состояние.

Если он сейчас использует магию, «Скверна» усилится. Его контроль упадёт ещё ниже. Возможно, до критической отметки, когда Система признает его безнадёжным и отдаст приказ на ликвидацию без права на проверку. Но если он не использует магию, «Плащи» схватят его здесь, и тогда всё — его побег, его план, его обещание, данное Корнелии и её сиротам, — всё обратится в прах.

Выбор был простым. Либо рискнуть собой сейчас, либо потерять всё, ради чего он сражался.

Кай поднял руку и направил ладонь на накопитель. Его губы зашевелились, произнося слова активации. Старая формула, которую он выучил ещё в Академии, но никогда не использовал — потому что накопители, которые питались от протоколов Системы, активировались автоматически. Только эти, довоенные, требовали ручного запуска.

Мана потекла по его энергетическим каналам, собираясь в ладони. Кай почувствовал, как внутри него что-то скрипнуло, надломилось, пошло трещинами — «Скверна» реагировала на активацию, разрастаясь, пожирая здоровую энергию. Боль запульсировала в висках, застучала в затылке. Из носа потекла струйка крови — горячая, солёная на губах. Но он не остановился. Он не мог остановиться.

— Ты обещал им, — прошептал он себе под нос, и этот шёпот, сорванный и хриплый, прозвучал в тишине будки как молитва. — Ты обещал, что вернёшься.

Заклинание сорвалось с его пальцев — грязное, рваное, нестабильное. Он не целился точно, он просто вложил в него всё, что у него оставалось: всю свою боль, всю свою злость, всю свою волю к жизни. Энергия ударила в накопитель, и тот отозвался.

Сначала — гул. Низкий, утробный гул, который заполнил всё пространство. Задрожали стены, зазвенели стёкла, с потолка посыпалась пыль. Шкала накопителя замигала — бледно-голубой свет сменился ослепительно-белым, а затем — алым тревожным.

Кай понял, что переборщил. Он вложил слишком много. Накопитель не просто разрядится — он взорвётся.

Он развернулся и бросился к выходу. Его ноги, ещё недавно едва державшие его, обрели второе дыхание. Он бежал, не разбирая дороги, перепрыгивая через обломки, проламываясь сквозь ржавые двери. Позади, в будке, нарастал гул. Он становился всё громче, всё пронзительнее — как предсмертный крик древнего механизма, который просыпается, чтобы умереть.

Кай добежал до края крыши и прыгнул.

Взрыв ударил за его спиной в тот самый момент, когда его тело перемахнуло через парапет соседнего здания. Ослепительная вспышка залила небо — не золотая, не голубая, а белая, всепоглощающая, стирающая тени и контуры. Воздух содрогнулся от чудовищной силы. Ударная волна швырнула Кая вперёд, и он покатился по ржавому настилу, обдирая руки и лицо. В ушах зазвенело так, что он перестал слышать что-либо вообще. Перед глазамиплыли красные круги.

Он лежал на спине, глядя в небо, и не мог пошевелиться. Каждая клетка тела кричала от боли. Правая рука онемела, левая горела огнём. Лицо было залито кровью — своей или чужой, он не знал. Но он был жив. Жив.

Над тем местом, где только что была трансформаторная будка, поднимался столб дыма — чёрного, маслянистого, пронизанного электрическими разрядами. Выброс энергии был такой силы, что все сенсоры в радиусе нескольких кварталов должны были зашкалить. Система, зафиксировав мощный неавторизованный выброс, наверняка уже пересчитывала приоритеты. Сейчас все её алгоритмы были перенаправлены к эпицентру взрыва. Автоматоны, действующие по жёстким протоколам, должны были получить команду двигаться туда и разбираться с угрозой. Живые оперативники...

Он не успел закончить мысль.

Тяжёлые шаги раздались совсем близко. Кай повернул голову — движение отозвалось новой волной боли — и увидел их. Две фигуры в белых плащах, с жезлами наготове. Они вышли из-за ржавой надстройки, отрезая ему путь к отступлению. Грегор и Рэд. Автоматоны, подчиняясь новой команде, уже ушли в сторону взрыва. Но живые оперативники, не связанные жёсткими протоколами, остались. Они знали, что Кай жив. Они знали, куда он побежал. И они последовали за ним.

Кай медленно, преодолевая боль, сел. Тело слушалось плохо. Магия внутри него пылала — «Скверна», усиленная его собственным заклинанием, разрослась до такой степени, что он чувствовал её почти физически. Она пульсировала в его жилах, как яд, искажая энергетические каналы. Он знал, что ещё одно заклинание — даже самое маленькое, даже на уровне искры, — может его убить. Или, что ещё хуже, превратить в нечто такое, чем он сам когда-то охотился на других.

Грегор остановился в десяти шагах от него. Его лицо, скрытое шлемом, было неразличимо, но Кай чувствовал его взгляд. Оценивающий. Изучающий. Взгляд человека, который тридцать лет прослужил в Инквизиции и научился видеть больше, чем показывали сенсоры.

— Инквизитор Кай, — произнёс Грегор, и его голос, усиленный динамиками шлема, прозвучал в звенящей тишине после взрыва как приговор. — Приказ на твой арест. Сдайся добровольно. Я не хочу, чтобы это закончилось плохо.

Кай медленно, очень медленно поднялся на ноги. Его шатало. Кровь из разбитого носа всё ещё капала на ржавый настил, оставляя тёмные пятна. Он посмотрел на Грегора, потом на Рэда, который стоял чуть позади, нервно сжимая жезл. Молодой оперативник был напряжён до предела. Его сканер, судя по тому, как он косил взгляд на тактический дисплей, показывал какую-то аномалию.

— Лаборатория, — произнёс Кай, и его голос, сорванный и хриплый, прозвучал в тишине как удар хлыста. — Точка E-5, третий ярус. Проверьте её.

Грегор нахмурился. Его палец, лежавший на спусковом крючке жезла, дрогнул.

— Что? — переспросил он, явно не ожидавший такого поворота.

— Ты слышал меня, — продолжал Кай, не делая попыток ни убежать, ни атаковать. Он стоял, слегка покачиваясь, но его взгляд был твёрдым. — В лаборатории на третьем ярусе, где мы проводили зачистку. Там остался источник. «Скверна». Это диверсия. Кто-то подставил меня — и я хочу знать, кто.

Грегор молчал. Его рука с жезлом не опускалась, но и не поднималась. Он ждал, слушал. За его спиной Рэд беспокойно переминался с ноги на ногу. Кай видел, как молодой оперативник смотрит на свой тактический дисплей, и на его лице проступает растерянность. Сканер, судя по всему, подтверждал слова Кая — фиксировал аномалию, которую Рэд не мог объяснить.

— Ты опытный оперативник, Грегор, — сказал Кай, делая шаг вперёд. — Тридцать лет в Инквизиции. Ты знаешь, что такое нестабильный выброс, и знаешь, что он не случается просто так. Тебя не удивило, что ветеран с моим стажем вдруг теряет контроль над простейшим заклинанием? Тебе не показалось это странным?

Грегор не ответил, но Кай заметил, как его плечи слегка опустились. Жест был почти незаметным, но Кай его уловил. Он знал этот жест. Так опытные оперативники реагировали, когда что-то в докладе не сходилось с их собственным опытом.

— Твой ордер, — продолжил Кай, — выписан Системой. А Систему обманули. Как и меня. Я не знаю, кто и зачем. Но я знаю, что лаборатория — ключ. Проверь её, Грегор. Проверь, и ты найдёшь доказательства. А я пока просто исчезну.

— Ты хочешь, чтобы я нарушил протокол? — спросил Грегор, и в его голосе прозвучало не возмущение, а что-то другое. Усталость? Или, может быть, сомнение?

— Я хочу, чтобы ты выполнил свой долг, — ответил Кай. — Твой долг не в том, чтобы слепо исполнять приказы. Твой долг — защищать Орден. Защищать людей. Искать истину. Если я виновен, ты всегда сможешь найти меня и арестовать. Но если я говорю правду, то настоящий враг сейчас прячется в тени, и каждый час, который ты тратишь на погоню за мной, играет ему на руку.

Тишина. Только отдалённый гул пожарища на месте взорванной будки да нервное дыхание Рэда. Грегор стоял неподвижно, и Кай видел, как внутри него борются две силы. С одной стороны — протокол, приказ, тридцать лет дисциплины. С другой — то самое чувство, которое Кай знал слишком хорошо. Чутьё. Интуиция. Ощущение, что что-то не так, которое нельзя было измерить никакими сенсорами, но которое старый оперативник привык уважать.

А потом Рэд, всё это время молчавший, вдруг произнёс:

— Сэр... Он прав. Мой сканер показывает что-то в точке E-5. Какой-то аномальный сигнал. Это не похоже на обычную остаточную эманацию. Это... что-то другое.

Грегор медленно повернулся к нему.

— Подтверждаешь?

— Да, сэр. — Рэд сглотнул. — Я не знаю, что это. Но это не стандартная магия.

Грегор долго смотрел на своего напарника. Потом перевёл взгляд обратно на Кая. Его жезл, всё ещё нацеленный в грудь беглеца, дрогнул.

— Если ты обманул меня, — произнёс он медленно, и его голос был тяжёлым, как свинец, — я найду тебя. Где угодно.

— Я знаю, — ответил Кай.

— И когда найду — никаких разговоров. Только приговор.

— Я знаю.

Грегор опустил жезл. Медленно, словно каждое движение давалось ему с невероятным трудом. За его спиной Рэд выдохнул с облегчением. Кай сделал шаг назад, к краю крыши.

— Лаборатория, точка E-5, — повторил он. — Третий ярус. Найдёшь источник — найдёшь ответы. И, Грегор... спасибо.

— Не благодари меня, — бросил Грегор, разворачиваясь. — Я делаю это не ради тебя. Я делаю это ради истины.

— Этого достаточно.

Кай отступил ещё на шаг, и его нога нащупала край крыши. Он бросил последний взгляд на двух оперативников — старого, уставшего ветерана и молодого, сомневающегося новичка, — и прыгнул.

Падение было коротким. Внизу, под крышей, проходила старая вентиляционная шахта — часть заброшенной системы климат-контроля, которую он заметил ещё тогда, когда изучал карту. Он рухнул в неё, пролетел несколько метров и приземлился на мягкий, пружинящий слой мусора и истлевших фильтров. Удар вышиб воздух из лёгких. Перед глазами снова заплясали золотые пятна. Но он был жив. И он был свободен.

Он лежал в темноте, вдыхая запах пыли и плесени, и чувствовал, как адреналин медленно уходит, сменяясь тупой, ноющей болью во всём теле. «Скверна» пульсировала внутри него, как второй пульс. Он заплатил высокую цену за этот побег. Возможно, слишком высокую. Но он выиграл время. И он получил ответы на некоторые вопросы.

Лаборатория. «Скверна». Диверсия. Все эти слова всё ещё крутились у него в голове, складываясь в мозаику, в которой не хватало ключевого фрагмента. Кто? Кто стоял за этим? И зачем?

Он вспомнил слова Архонта. «Те, кто запер меня здесь, и те, кто подставил тебя, — это одна и та же группа». Тогда эти слова показались ему бредом безумного узника. Теперь они обретали смысл. Кто-то внутри Ордена — кто-то достаточно высокопоставленный, чтобы иметь доступ к секретным лабораториям на третьем ярусе, — работал против Системы. Или, возможно, использовал Систему в своих целях.

Кай закрыл глаза и провалился в тяжёлое, беспокойное забытьё. Ему нужно было отдохнуть. Восстановить силы. А потом — снова в путь. Потому что охота была приостановлена, но не закончена. И теперь он сам становился охотником.

Где-то наверху, в Центральном Соборе, оператор Юджин допил пятую за смену чашку синтетического кофе и уставился на экран. Карточка инцидента с пометкой «Подозрительный Кай» мигала тревожно-красным. Система зафиксировала мощный неавторизованный выброс маны в районе Пепельной Воронки. Эпицентр был там же, где в последний раз отслеживали беглеца. Юджин почесал затылок и внёс в карточку новую запись:

«Инцидент №2. Неавторизованный выброс маны высокой мощности. Приоритет цели повышен до „Особо опасный“. Ожидание дальнейших указаний».

Система работала. Система не забывала. Система ждала.

А глубоко под землёй, в темноте заброшенной вентиляционной шахты, Кай спал. И ему снился приют на отшибе, дети, рисующие цветы, и голос Корнелии, которая говорила ему: «Вы дали нам надежду. А это — самая дефицитная вещь в Воронке».

Он проснулся через несколько часов. Тело всё ещё болело, но боль стала тупой, фоновой — не парализующей, а напоминающей. Он сел, прижавшись спиной к холодной стене шахты, и оценил своё состояние. «Скверна» немного отступила. То ли покой, то ли время, то ли отсутствие магической активности сделали своё дело — он чувствовал, что энергетические каналы стали чуть более стабильными. Этого было недостаточно, чтобы колдовать, но достаточно, чтобы двигаться.

Он выбрался из шахты и огляделся. Он находился в подвале какого-то старого жилого дома. Судя по слою пыли на полу, сюда не заходили уже много лет. Сквозь заколоченные окна подвала сочился серый вечерний свет. День клонился к закату.

Кай нашёл ржавую лестницу, ведущую на первый этаж, и поднялся. Здание было пустым — ни жильцов, ни патрулей, ни дронов. Он прошёл через анфиладу заброшенных комнат, заваленных битым стеклом и мусором, и вышел на улицу. Моросил мелкий, противный дождь. В воздухе висел всё тот же запах гари — отголосок взрыва на крыше.

Он двинулся на север, в сторону промзоны. Ему нужно было где-то укрыться, восстановить силы и связаться с теми, кто мог ему помочь. Лина. Шнырь. Грегор (не тот, что гнался за ним, а старый инквизитор, его наставник). Корнелия. У него были союзники. И теперь, когда он знал, с чем столкнулся, он должен был собрать их вместе.

Путь до убежища занял у него несколько часов. Он двигался медленно, прячась в тених, обходя патрули и камеры. К тому времени, как он добрался до знакомой ржавой двери, дождь усилился, и Кай промок до нитки. Он постучал — условным стуком, три быстрых, два медленных, — и стал ждать.

Дверь открылась. На пороге стоял Шнырь. Его глаза, лихорадочно блестящие в полумраке, расширились при виде Кая.

— Господин инквизитор! — воскликнул он, хватая его за рукав. — Вы живы! Мы думали... мы слышали взрыв, и Лина сказала, что за вами охотятся «Белые Плащи», и я думал, что вы...

— Я в порядке, Шнырь, — перебил его Кай, входя внутрь. — Почти в порядке. Где Лина? Где Грегор?

— Лина в убежище, — ответил Шнырь, закрывая за ним дверь. — А Грегор... он ушёл. Сказал, что ему нужно проведать старые контакты. Сказал, что вернётся к утру.

Кай кивнул и прошёл вглубь убежища. Лина, как всегда, сидела в своём углу, скрестив ноги, перед портативным монитором. При его появлении она подняла голову, и её красная линза быстро завращалась, фокусируясь на его лице.

— Ты выглядишь ещё хуже, чем утром, — заметила она. — И это при том, что утром ты выглядел как труп.

— Спасибо за комплимент, — буркнул Кай, опускаясь на ржавую бочку. — У меня мало времени. Рассказываю всё как есть. Меня подставили. В лаборатории на третьем ярусе, где мы проводили зачистку, была какая-то дрянь под названием «Скверна». Она попала в меня, нарушила контроль над магией, и Система зафиксировала это как нецелевой расход. Меня объявили Подозрительным, за мной послали «Белых Плащей». Я ушёл.

Лина выслушала его, не перебивая. Когда он закончил, она откинулась на спинку стула и задумчиво постучала механическими пальцами по столу.

— «Скверна», — повторила она. — Никогда не слышала о таком.

— Я тоже, — признался Кай. — Но один человек в катакомбах рассказал мне о ней. И он сказал, что те, кто меня подставил, и те, кто запер его там, — это одна и та же группа.

— Человек в катакомбах? — Лина нахмурилась. — Ты говоришь о Пятом ярусе? Кай, там нет людей. Там только старая насосная станция и фоновая эманация. Патрули туда не суются уже много лет.

— Его зовут Архонт. Или, по крайней мере, он сам так себя называет. Он сидит там в цепях. Кто-то держит его в плену. И этот кто-то, судя по его словам, находится внутри Ордена.

Лина долго молчала. Её красная линза вращалась, фокусируясь то на Кае, то на мониторе. Затем она резко развернулась к компьютеру и начала быстро печатать.

— У меня есть доступ к старым базам данных Отдела «М», — сказала она. — Они не обновлялись годами, но кое-что там ещё можно найти. Если этот твой Архонт когда-то существовал официально, я найду его. Дай мне время.

— У нас нет времени, — возразил Кай. — «Плащи» приостановили погоню, но это ненадолго. Как только они поймут, что взрыв был диверсией, они вернутся. Мне нужно связаться с Грегором. Он знает старые каналы, старых агентов. Возможно, он сможет выяснить, кто стоит за лабораторией.

— Грегор вернётся к утру, — сказал Шнырь, сидевший в углу и внимательно слушавший разговор. — Он сказал, что ему нужно проведать какие-то «старые кости». Я не понял, что это значит, но он выглядел... задумчивым. Как будто что-то вспомнил.

Кай кивнул и закрыл глаза. Усталость навалилась на него с новой силой. Ему нужно было отдохнуть. Всего несколько часов. А потом — снова в бой.

— Я посплю, — сказал он, не открывая глаз. — Разбудите меня, когда вернётся Грегор. Или если случится что-то важное.

— Спи, инквизитор, — ответила Лина, не отрываясь от монитора. — Я посторожу.

Кай опустил на старый матрас и почти мгновенно провалился в сон. Ему ничего не снилось. Только темнота, глубокая и спокойная, как насосная станция на шестом ярусе. И в этой темноте, где-то на границе восприятия, звучал голос Архонта: «Найди Отца-Логоса. Спроси его про „Ошибка Ноль“».

Отец-Логос. Это имя Кай слышал раньше, много лет назад. Так называли одного из старых архивариусов Инквизиции — человека, который отвечал за хранение древних текстов и знаний, не вписывающихся в протоколы Системы. Если кто-то и знал, что такое «Ошибка Ноль», то это был он.

Но Отец-Логос исчез много лет назад. Ходили слухи, что его списали. Или что он сам ушёл в подполье. Или что его убили. Никто не знал точно.

А теперь Архонт утверждал, что он жив. И что он знает больше, чем говорит.

Кай перевернулся на другой бок и заснул крепче.

Когда он проснулся, в убежище горел свет. За столом сидел Грегор — старый инквизитор, его наставник. Его лицо, изрезанное морщинами и пересечённое шрамом, было мрачнее тучи. Рядом с ним стояла Лина, скрестив руки на груди, а в углу притих Шнырь, чутко прислушиваясь к разговору.

— Доброе утро, — произнёс Грегор, заметив, что Кай открыл глаза. — Или уже вечер? Неважно. Ты вляпался в историю, мальчик.

— Я в курсе, — ответил Кай, садясь на матрасе. — Ты что-нибудь узнал?

Грегор кивнул.

— Лаборатория на третьем ярусе. Точка Е-5. Мои старые контакты подтвердили: это была не просто лаборатория по изучению демонической энергии. Это был секретный проект, который курировал кто-то из высшего руководства Инквизиции. Проект назывался «Нулевая Фаза». И он был закрыт пять лет назад после того, как что-то пошло не так. Всех участников либо убили, либо заставили молчать. Но кое-кто выжил. — Грегор сделал паузу. — Архонт — это не просто безумный узник. Он — один из ведущих разработчиков «Нулевой Фазы». Его считали погибшим. Но, судя по твоим словам, он жив.

В убежище воцарилась тишина. Кай переваривал услышанное. «Нулевая Фаза». Секретный проект. Архонт — не безумец, а учёный. И где-то во всём этом фигурировал Отец-Логос.

— Мне нужно найти Отца-Логоса, — сказал наконец Кай. — Архонт сказал, что он знает больше, чем говорит. Возможно, он знает, кто стоит за всем этим.

— Найти Отца-Логоса? — Грегор горько усмехнулся. — Мальчик, его ищут уже пять лет. И никто не нашёл. Если он ещё жив, он прячется там, куда не сунется ни один патруль.

— Я знаю, где он может быть, — вмешалась Лина, не отрываясь от монитора. — По крайней мере, знаю, где искать. В старых базах данных Отдела «М» есть запись о том, что Отец-Логос — его настоящее имя, кстати, Леонид Вэллс, — имел доступ к частному архиву под Старым Городом. Это за пределами патрулируемой зоны, в руинах, которые не восстанавливали с довоенных времён. Если он хотел спрятаться так, чтобы его не нашли, это идеальное место.

— Мы пойдём туда, — сказал Кай, поднимаясь. — Завтра.

— Ты в своём уме? — воскликнул Шнырь. — Господин инквизитор, вы едва на ногах стоите! Вам нужно отдохнуть, подлечиться!

— У меня нет времени, — отрезал Кай. — Каждый час промедления даёт фору тем, кто меня подставил. Если я не найду ответы сейчас, я могу не найти их никогда.

Грегор тяжело вздохнул и встал.

— Тогда я пойду с тобой, — сказал он. — И не спорь. Один ты не справишься. «Скверна» внутри тебя в любой момент может снова дать о себе знать. А в Старом Городе, если верить слухам, водятся твари похуже «Белых Плащей».

Кай посмотрел на него — на старого, уставшего инквизитора, который тридцать лет прятался в подвале, а теперь был готов снова идти в бой, — и кивнул.

— Спасибо, — сказал он тихо.

— Не за что, мальчик. — Грегор положил руку на его плечо. — Мы — одна семья. А семья своих не бросает.

Кай улыбнулся — впервые за долгое, очень долгое время. Несмотря на всё, что с ним случилось, несмотря на «Скверну», погоню, предательство и неизвестность, у него была семья. Странная, изломанная, собранная из обломков старого мира. Но это была его семья. И ради неё он был готов идти до конца.

— Тогда завтра, — сказал он. — Завтра мы идём в Старый Город.

Завтра начиналась новая глава.

\-\ —

КОНЕЦ ГЛАВЫ

Глава 33: Подземный ход

1

Кай проснулся от прикосновения. Чья-то рука легко, почти невесомо легла на его плечо, и этого оказалось достаточно, чтобы вырвать его из тяжёлого, липкого сна без сновидений. Он открыл глаза и увидел над собой низкий, закопчённый потолок убежища — ржавые балки, паутину, тусклый отблеск догорающей свечи. Тело отозвалось на пробуждение глухой, ноющей болью во всех мышцах, словно его долго и методично избивали. Правая рука онемела. Левая горела огнём в том месте, где вчера, во время взрыва накопителя, он рассёк кожу о ржавый металл. Во рту стоял мерзкий привкус — смесь крови, пыли и той особой горечи, которую оставляет после себя нестабильная магия. «Скверна» никуда не делась. Она затаилась где-то в глубине его энергетических каналов, как зверь, готовый к прыжку. Кай чувствовал её — не физически, а как-то иначе, словно внутри него поселилось нечто чужеродное и теперь прислушивалось к каждому его движению.

— Господин инквизитор, — голос Шныря, тихий и напряжённый, раздался откуда-то сбоку. — Пора. Грегор прислал весточку через «Шёпот». Он ждёт нас.

Кай сел на матрасе, превозмогая боль. Голова кружилась. Перед глазами плыли золотые пятна — последствие вчерашнего применения магии. Он помнил каждую секунду того момента в трансформаторной будке: как мана, отравленная «Скверной», текла по его каналам, разрывая их изнутри, как заклинание сорвалось с пальцев рваным, грязным стустком, как накопитель взревел перед взрывом. Он помнил и то, что было после: прыжок через парапет, удар о настил соседней крыши, два оперативника в белых плащах, разговор с Грегором — не с его наставником, а с тем, другим Грегором, командиром отряда зачистки, — и его собственные слова, брошенные в лицо преследователю: «Лаборатория, точка Е-5, третий ярус. Проверьте её». Тогда это был жест отчаяния. Теперь, оглядываясь назад, он понимал, что это был расчёт. Интуитивный, рискованный, но расчёт. Старый оперативник, его тёзка, поверил ему — или, по крайней мере, усомнился достаточно, чтобы дать ему уйти. И теперь этот долг висел на Кае тяжёлым грузом. Долг, который нужно было оплатить — информацией, правдой, действием.

Он спустил ноги с матраса и огляделся. Убежище, которое они делили с Линой и Шнырём, было всё тем же — ржавые стены, старые бочки, тусклый свет. Но что-то изменилось. Кай не сразу понял, что именно, а потом заметил: Лина, которая обычно сидела в своём углу, скрестив ноги, перед портативным монитором, сейчас стояла у входа, скрестив руки на груди. Её механическая рука была переведена в боевое положение, манипуляторы на кончиках пальцев тихо гудели. Красная линза, заменявшая правый глаз, была сфокусирована на Кае, и в её вращении было что-то непривычное — не просто анализ, а тревога. Настоящая, живая тревога.

— Ты уверен, что готов? — спросила она, и её голос, обычно ровный и слегка циничный, прозвучал на полтона ниже, чем всегда. — Ты всё ещё выглядишь как труп. Извини за откровенность.

— Я в порядке, — ответил Кай и тут же понял, насколько это неправда. Лина хмыкнула, давая понять, что тоже это поняла, но спорить не стала. Вместо этого она подошла к нему и протянула небольшой свёрток — старую, потрёпанную ткань, в которую что-то было завернуто.

— Здесь кое-что из моих старых запасов, — сказала она, пока Кай разворачивал свёрток. Внутри оказались два предмета. Первый — небольшой металлический цилиндр с кнопкой на боку. Стандартный импульсный глушитель, армейская модель, которую использовали для подавления электронных сигналов в радиусе десяти-пятнадцати метров. Такие штуки были запрещены к гражданскому использованию, но Лина, как бывший техник Отдела «М», имела доступ к самым разным вещам. Второй предмет был страннее: тонкая, гибкая пластина из матового материала, которая при прикосновении едва заметно вибрировала. «Термальный пластырь», — пояснила Лина. — «Клеишь на грудь под одежду. Он на пару часов сбивает тепловые сенсоры автоматов. Не делает тебя невидимым, но усложняет захват цели. Я модифицировала его под твою... ситуацию».

— Спасибо, — сказал Кай, убирая оба предмета в нагрудный карман куртки, туда, где уже лежали сломанный жетон отца, чёрная лента Ноль, рисунок девочки из приюта и «Осколок Ноля», который он так и не использовал до конца. Карман оттопыривался, и ткань куртки, изношенная до предела, грозила вот-вот лопнуть. Но Кай не обращал на это внимания. Все эти предметы были не просто вещами — они были талисманами. Якорями, которые удерживали его в реальности, когда мир вокруг начинал рушиться.

Шнырь, всё это время стоявший у двери, нетерпеливо переминался с ноги на ногу. На нём была его обычная одежда — старая, штопаная-перештопанная куртка, бесформенные штаны, тяжёлые ботинки на размер больше, — но что-то в его облике тоже изменилось. Кай не сразу понял, что именно, а потом заметил: мальчишка больше не сутулился. Его плечи были расправлены, подбородок вздёрнут. Он больше не выглядел как запуганный связной, который боится собственной тени. Он выглядел как солдат. Юный, неопытный, но солдат. Кай вспомнил, как Шнырь вчера провёл его через промзону, как он ориентировался в лабиринте ржавых конструкций и заброшенных цехов, как он безошибочно находил путь в темноте, и почувствовал странную смесь гордости и горечи. Этот мальчишка, который когда-то боялся всего на свете, теперь стал одним из самых надёжных его союзников. И от этого на душе становилось одновременно и теплее, и тяжелее.

Лина проводила их до выхода. У самой двери она на мгновение положила свою механическую руку на плечо Кая — жест, который от неё редко можно было дожидаться, — и тихо произнесла:

— Возвращайтесь. Оба.

— Вернёмся, — ответил за Кая Шнырь, и в его голосе, обычно бойком и насмешливым, прозвучала такая твёрдая, непоколебимая уверенность, что Лина невольно улыбнулась.

Кай ничего не сказал. Он просто кивнул и вышел в серый, промозглый рассвет.

2

Промзона встретила их тишиной — той самой особой, насторожённой тишиной, которая установилась в городе после активации «Предохранителя». Раньше, ещё неделю назад, здесь гудели протоколы, жужжали патрульные дроны, гремели голографические вывески, транслирующие бесконечные сводки Штрафов и Коэффициентов. Теперь всё это исчезло — или, точнее, работало с перебоями. Где-то вдалеке, на границе слышимости, завывала сирена патрульного аэробуса, но её звук был каким-то смазанным, неуверенным, словно сам аэробус не знал,

куда ему лететь. Над ржавыми крышами висела плотная, серая пелена облаков, сквозь которую едва пробивался тусклый свет. Моросил мелкий, противный дождь — не ливень, а именно та изматывающая морось, которая проникает под одежду и заставляет кости ныть от холода.

Шнырь шёл впереди, быстро и уверенно, как человек, который знает каждый камень на этом пути. Кай следовал за ним, стараясь не отставать. Каждый шаг давался с трудом. Мышцы ног, ещё не оправившиеся после вчерашнего бегства, гудели от напряжения. В правом боку, там, где его приложил бронированный кулак «Палача» в архиве, пульсировала тупая, ноющая боль. Левая ладонь, рассечённая о ржавый металл во время взрыва, саднила под повязкой, которую наложила Лина. Но всё это было терпимо. Хуже было другое — «Скверна». Она продолжала пульсировать внутри него, как второй пульс, как чужеродный организм, который поселился в его энергетических каналах и теперь медленно, методично их разрушал. Кай чувствовал её каждой клеткой тела. Она была похожа на холод — не физический, а магический, — который расплзался от солнечного сплетения к конечностям, делая каждое движение чуть более медленным, чуть более неуверенным. И она была похожа на голос — тихий, едва слышимый шёпот на границе восприятия, который нашёптывал ему что-то неразборчивое, но тревожное.

Он старался не обращать на это внимания. Архонт сказал, что «Скверна» входит в ремиссию, если не использовать магию. И пока что это работало — после взрыва накопителя он не произнёс ни одного заклинания, и болезнь действительно немного отступила. Но он знал, что это временно. «Скверна» была похожа на голодного зверя, который затаился в засаде и ждал момента, чтобы нанести новый удар. И когда этот момент настанет, у него, Кая, может не хватить сил, чтобы с ним справиться.

— Господин инквизитор, — голос Шныря вырвал его из размышлений. — Вы в порядке? Вы как-то побледнели.

— В порядке, — солгал Кай. — Просто задумался.

Шнырь бросил на него быстрый, оценивающий взгляд — тот самый, который появляется у детей, слишком рано научившихся читать взрослых, — и ничего не сказал. Он просто замедлил шаг, подстраиваясь под темп Кая, и продолжил идти, время от времени бросая взгляды по сторонам, сканируя пространство на предмет опасности. Кай заметил, как двигаются его глаза — быстро, цепко, профессионально. Мальчишка больше не был просто связным. Он стал разведчиком. И, возможно, даже кем-то большим.

Они миновали ржавый остов автобуса, вросший в бетон на перекрёстке, и свернули в узкий проулок, ведущий к старому текстильному цеху. Здесь, среди груд битого кирпича и ржавых металлических конструкций, Шнырь вдруг остановился и поднял руку, призывая к тишине. Кай замер, прислушиваясь. Вдалеке, где-то на границе слышимости, раздавался знакомый звук — низкочастотный гул сервоприводов. Автоматоны. Они были ещё далеко, но двигались в их сторону.

— Патруль, — прошептал Шнырь. — Двое, может, трое. Идут по Десятой линии. У нас минута, чтобы убраться отсюда.

Кай кивнул. Они нырнули в щель между двумя полуразрушенными зданиями и двинулись в обход. Шнырь вёл его через лабиринт ржавых конструкций, заброшенных цехов и осы-

пающихся стен, ориентируясь на какие-то одному ему ведомые знаки — царапину на стене, обломок трубы, повернутый под определённым углом, ржавую табличку с полустёртым номером. Это была система навигации, которую использовали связные, — старая, примитивная, но невероятно эффективная. Система не могла её отследить, потому что она не была частью Системы. Она была частью города — его тёмной, скрытой от глаз изнанки.

Через полчаса они добрались до окраины промзоны. Здесь, на границе между заброшенными цехами и пустошью, стояла старая водонапорная башня — массивное кирпичное сооружение, построенное ещё до Войны Интеграции и давно заброшенное. Её верхний резервуар, проржавевший и покосившийся, скрипел на ветру, издавая звук, похожий на стон раненого животного. Вокруг неё громоздились кучи мусора, битого кирпича и ржавого металлолома. На первый взгляд, здесь не было ничего, кроме запустения и разрухи. Но Кай знал, что это обман. Он видел такие места сотни раз за годы патрулей. Заброшенные башни, старые колодцы, осыпающиеся подвалы — всё это часто служило входами в подземную сеть, которую использовали контрабандисты, беглецы и все те, кто хотел исчезнуть из поля зрения Системы.

Шнырь подошёл к основанию башни и остановился перед старым техническим колодцем, заваленным ржавыми листами металла. Он наклонился, сдвинул один из листов и показал Каю едва заметный знак, выцарапанный на бетонном основании, — символ Сектантов. Три пересекающиеся линии, образующие стилизованную букву «Н» — Ноль.

— Господин Грегор сказал, что найдёт нас здесь, — произнёс Шнырь, и в его голосе, обычно бойком и насмешливом, прозвучала странная, почтительная интонация. — Он знает этот путь. Он сам когда-то его прокладывал.

Кай посмотрел на символ и почувствовал, как внутри него что-то дрогнуло. Этот знак был не просто меткой. Он был обещанием. Обещанием того, что в этом мире, полном предательства и лжи, ещё остались места, где можно было укрыться. Места, которые не были подвластны Системе. Места, где ещё теплилась надежда.

Он наклонился и помог Шнырю сдвинуть оставшиеся листы металла. Под ними обнаружилась ржавая решётка, закрывавшая вход в технический колодец. Шнырь достал из своего рюкзака небольшой ломик и ловко поддел решётку. Та подалась с протяжным, жалобным скрежетом, который эхом разнёсся по пустоши. Кай на мгновение замер, прислушиваясь, не привлёк ли этот звук внимания патрулей, но вокруг было тихо. Только ветер стонал в проржавевшем резервуаре башни да где-то вдалеке, на границе слышимости, завывала сирена.

— Сюда, господин инквизитор, — сказал Шнырь, первым спускаясь в темноту колодца. — Осторожно, скобы ржавые. Я сам чуть не сорвался, когда первый раз здесь лазил.

Кай последовал за ним. Спуск был долгим и мучительным. Ржавые скобы, вбитые в бетонные стены колодца, крошились под ногами, а некоторые и вовсе отсутствовали. Каю приходилось двигаться медленно, нащупывая опору в темноте. Его правая рука, всё ещё онемевшая после вчерашнего ранения, плохо слушалась. Несколько раз он едва не срывался, но удерживался на месте благодаря тому, что вовремя хватался за выступающие куски арматуры. Шнырь, спускавшийся впереди, подсвечивал ему путь тусклым ручным фонарём — одной из тех старых моделей, которые работали на батарейках, а не на мане, и потому не отслеживались. Его свет выхватывал из темноты осыпающиеся стены, покрытые многолетней копотью и плесенью, ржавые трубы, свисающие с потолка, и странные, едва заметные символы, выцарапан-

ные на бетоне. Некоторые из них были похожи на знаки Сектантов. Другие были старше — гораздо старше. Кай не узнавал их, но чувствовал их возраст. От них веяло древностью, как от рун на обсидиановых стенах Алтаря.

Чем глубже они спускались, тем тяжелее становился воздух. Он был влажным и спёртым, пропитанным запахом сырости, ржавчины и ещё чем-то — сладковатым, приторным, от чего слегка мутило. Кай знал этот запах. Так пахла нестабильная магическая энергия, которая годами впитывалась в камень и металл, создавая фон, способный исказить работу даже самых точных сенсоров. Но здесь, в этих катакомбах, этот запах был не просто фоновым — он был концентрированным, густым, почти осязаемым. Кай чувствовал его своей аурой — тем самым новым чувством, которое пробудилось в резонаторе Ноль. «Фон» здесь был не просто сильным. Он был диким. Необузданным. Свободным от помех Системы. И от этого у Кая кружилась голова.

— Вы чувствуете это, господин инквизитор? — спросил Шнырь, не оборачиваясь. Его голос, отражаясь от стен колодца, звучал глухо и странно, как из-под толщи воды. — Это магия. Настоящая. Не та, что в планшетах. Та, что была здесь всегда. Господин Грегор говорит, что она как вода. Течёт под землёй, прячется от глаз. А здесь, в катакомбах, она близко к поверхности. Иногда мне кажется, что я её даже вижу. Как слабый свет. Как искры в темноте.

Кай не ответил, но про себя отметил, что Шнырь прав. Он действительно видел её — своим аурным зрением, которое, несмотря на «Скверну», всё ещё работало. Мана текла под землёй, как река, — бледно-голубая, переливающаяся, живая. Она не была похожа на ту ману, которую он привык видеть в Системе. Там она была укрощённой, усмирённой, запертой в накопителях и распределённой по протоколам. Здесь она была свободной. И в этой свободе было что-то пугающее.

Спуск продолжался, казалось, целую вечность. Время в темноте текло по-другому — медленнее, вязче. Кай потерял счёт минутам и уже не мог сказать, как долго они спускаются. Его мышцы гудели от напряжения. Левая ладонь, рассёченная вчера, снова начала кровоточить, и тёмные капли, срываясь с пальцев, падали в темноту. Но он не останавливался. Он не мог остановиться. Где-то там, внизу, его ждал Грегор. Старый инквизитор, его наставник. Человек, который заменил ему отца. Человек, который рисковал своей жизнью, чтобы помочь ему. И он должен был найти его.

Наконец, колодец закончился. Кай спрыгнул с последней скобы на неровный каменный пол и огляделся. Они находились в узком туннеле, стены которого были выложены из старого, потемневшего от времени кирпича. Потолок был настолько низким, что Каю приходилось пригибаться. Пол был покрыт слоем вязкой грязи, в которой угадывались следы — не свежие, но и не слишком старые. Кто-то проходил здесь раньше. Возможно, тот самый Грегор, которого они искали.

Шнырь, стоявший впереди, поднял фонарь повыше, освещая туннель. Его свет выхватил из темноты стены, покрытые странными символами. Это были не знаки Сектантов — те были проще, грубее. Эти символы были старше. Они были вырезаны в кирпиче с невероятной точностью, словно тот, кто их создавал, обладал инструментами, не доступными современным строителям. И они светились — слабым, едва заметным бледно-голубым светом, который был виден только боковым зрением. Как «фон». Как сама магия.

— Это древние ходы, — прошептал Шнырь, и в его голосе прозвучало благоговение. — Господин Грегор говорил, что они были построены ещё до Войны Интеграции. Может, даже до Создателей. Тогда люди знали, как строить так, чтобы магия текла через камни, а не застревала в них. Сейчас так уже никто не умеет.

Кай провёл ладонью по стене, чувствуя холод кирпича и слабую, едва заметную вибрацию, которая исходила от символов. Она была похожа на пульс. На сердцебиение. Как будто сам камень был живым. И в этом ощущении было что-то странно успокаивающее. Он не знал, почему. Может быть, потому что здесь, глубоко под землёй, вдали от протоколов и штрафов, магия всё ещё оставалась такой, какой была задумана. Не инструментом контроля, а частью мира. Частью жизни.

— Нам сюда, — сказал Шнырь, указывая на боковой проход, ответвляющийся от основного туннеля. Он был уже и темнее, и из него тянуло холодом — не тем холодом, который излучали Коллекторы, а обычным, подземным холодом, пропитанным сыростью и запахом плесени. Кай кивнул и последовал за мальчишкой.

Туннель петлял, разветвлялся, уходил то вниз, то вверх. Несколько раз им приходилось перебираться через завалы из осыпавшегося кирпича и ржавых труб. Один раз они наткнулись на старый, проржавевший остов какого-то механизма — возможно, насоса или генератора, — который лежал поперёк прохода, перегораживая путь. Им пришлось перелезть через него, и Кай едва не сорвался, поскользнувшись на мокром металле. Но Шнырь, шедший впереди, вовремя подхватил его и помог удержаться на ногах. Его руки, тонкие и цепкие, сжали плечо Кая с неожиданной силой, и в этот момент Кай вдруг отчётливо осознал, насколько сильно этот мальчишка изменился за последние недели. Он больше не был тем запуганным связным, который прятался в подвалах и боялся собственной тени. Он стал сильным. Надёжным. Смелым. И от этого осознания Каю стало одновременно и горько, и радостно. Горько — потому что детство Шныря закончилось слишком рано, раздавленное безжалостной машиной Системы. Радостно — потому что, несмотря ни на что, мальчишка не сломался. Он выстоял. И теперь он был здесь, рядом с ним, в этом тёмном, опасном туннеле, и помогал ему идти вперёд.

— Спасибо, — сказал Кай, когда они перебрались через препятствие.

— Не за что, господин инквизитор, — ответил Шнырь, и в его голосе, несмотря на обычную бойкость, прозвучала нотка смущения. — Мы же одна команда. А команда своих не бросает.

Кай ничего не ответил, но про себя отметил эти слова. «Команда своих не бросает». Шнырь повторял это уже не в первый раз, и каждый раз это звучало как клятва. Как обещание, которое он дал самому себе и которое собирался выполнить любой ценой.

Они шли ещё около часа. Туннель становился всё более извилистым, воздух — всё более спёртым. Кай чувствовал, как усталость накапливается в его мышцах, как боль в правом боку усиливается, а «Скверна» внутри него начинает шевелиться, словно просыпаясь после короткой спячки. Но он не останавливался. Он знал, что они уже близко. Он чувствовал это — не физически, а как-то иначе. Чувствовал присутствие Грегора. Как старый, знакомый запах. Как тепло костра в холодную ночь.

И вот, когда они обогнули очередной поворот, туннель внезапно расширился, и перед ними открылась небольшая пещера. Она была не похожа на остальные подземные ходы. Её стены были не кирпичными, а каменными — грубо отёсанными, но явно обработанными человеческими руками. Потолок уходил вверх, теряясь в темноте. На полу, в центре пещеры, стояла старая керосиновая лампа, которая отбрасывала на стены дрожащие, неровные тени. Рядом с лампой лежал старый матрас, набитый какой-то трухой, и пара ржавых канистр с водой. У дальней стены был сложен небольшой очаг из камней — холодный, но явно использовавшийся недавно. И повсюду, насколько хватало глаз, были расставлены какие-то предметы. Старые книги. Потрёпанные свитки. Ржавые инструменты. Обломки оружия. Это было не просто убежище. Это было жилище. Место, где кто-то жил долгое время — возможно, годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.